

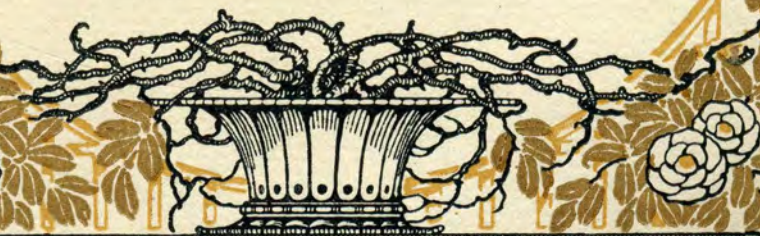

А. ЛУШКИНЪ

**КВЕТНИИ
ОПЪТИНЪ**

*Съ иллюстраціями
Е. Самокиши-Судковской*

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

**ИЗДАНИЕ
ТВАР. ГОЛИКЕ и А. ВИЛЬБОРГЪ
ПЕТРОГРАДЪ
1918**

Л. Лео.

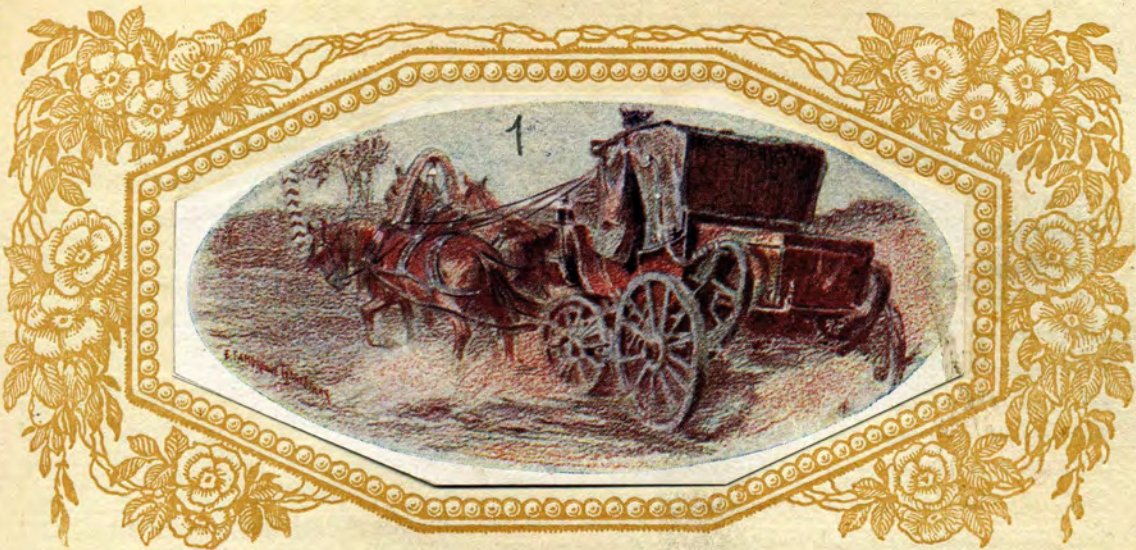

ЕВГЕНИЙ
ОНИГИНЪ

Pétri de vanité il avait encore plus de cette es-
pèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indiffé-
rence les bonnes comme les mauvaises actions, suite
d'un sentiment de supériorité, peut-être imaginaire.

Tiré d'une lettre particulière.

Т-во Р. Голике и А. Вильборгъ. Петроградъ. Звенигородская, 11.

Глава первая

И жить торопится, и чувствовать спѣшить.
Кн. Вяземскій.

I.

«Мой дядя самыхъ честныхъ правилъ,
Когда не въ шутку занемогъ,
Онъ уважать себя заставилъ
И лучше выдумать не могъ;
Его примѣръ другимъ наука:
Но, Боже мой, какая скука
Съ больнымъ сидѣть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживаго забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чортъ возьметъ тебя!»

II.

Такъ думалъ молодой повѣса,
Летя въ пыли на почтовыхъ,
Всевышней волею Зевеса
Наслѣдникъ всѣхъ своихъ родныхъ.
Друзья Людмилы и Руслана!
Съ героемъ моего романа,
Безъ предисловій, сей же часъ
Позвольте познакомить васъ:
Онъ Гинъ, добрый мой пріятель,
Родился на берегахъ Невы,
Гдѣ, можетъ быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Тамъ нѣкогда гулялъ и я:
Но вреденъ сѣверъ для меня.

III.

Служивъ отлично, благородно,
Долгами жилъ его отецъ;
Давалъ три бала ежегодно
И промотался наконецъ.
Судьба Евгения хранила:
Сперва *madame* за нимъ ходила,
Потомъ *monsieur* ее смѣнилъ,
Ребенокъ былъ рѣзовъ, но милъ.
Monsieur l'Abbé, французъ убогій,
Чтобъ не измучилось дитя,
Училъ его всему шутя;
Не докучалъ моралью строгой,
Слегка за шалости бранилъ
И въ Лѣтній садъ гулять водилъ.

IV.

Когда же юности мятежной
Пришла Евгению пора,
Пора надеждъ и грусти нѣжной,
Monsieur прогнали со двора.
Вотъ мой Онѣгинъ на свободѣ;
Остриженъ по послѣдней модѣ;
Какъ *dandy* лондонскій одѣтъ:
И наконецъ увидѣлъ свѣтъ.
Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ;
Легко мазурку танцевалъ,
И кланялся непринужденно:
Чего-жь вамъ больше? Свѣтъ рѣшилъ,
Что онъ уменъ и очень милъ.

V.

Мы всѣ учились понемногу,
Чему-нибудь и какъ-нибудь,
Такъ воспитаньемъ, слава Богу,

У насъ немудрено блеснуть.
Онѣгинъ былъ, по мнѣнью многихъ
(Судей рѣшительныхъ и строгихъ),
Ученый малый, но цедантъ.
Имѣлъ онъ счастливый талантъ
Безъ принужденья въ разговорѣ
Коснуться до всего слегка;
Съ ученымъ видомъ знатока
Хранить молчанье въ важномъ спорѣ
И возбуждать улыбку дамъ
Огнемъ неожиданныхъ эпиграммъ.

VI.

Латынь изъ моды вышла нынѣ,
Такъ, если правду вамъ сказать,
Онъ зналъ довольно по латыни,
Чтобъ эпитафьи разбирать,
Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить *vale*,
Да помнилъ, хоть не безъ грѣха,
Изъ Энеиды два стиха.
Онъ рыться не имѣлъ охоты
Въ хронологической пыли
Бытописанія земли;
Но дней минувшихъ анекдоты,
Отъ Ромула до нашихъ дней,
Хранилъ онъ въ памяти своей.

VII.

Высокой страсти не имѣя
Для звуковъ жизни не щадить,
Не могъ онъ ямба отъ хорея,
Какъ мы ни бились, отличить.
Бранилъ Гомера, Эсокрита;
Зато читалъ Адама Смита
И былъ глубокой экономъ,
То есть, умѣлъ судить о томъ,
Какъ государство богатѣетъ,

И чѣмъ живеть, и почему
 Не нужно золота ему,
 Когда простой продуктъ имѣеть.
 Отецъ понять его не могъ
 И земли отдавалъ въ залогъ.

VIII.

Всего, что зналъ еще Евгений,
 Пересказать мнѣ недосугъ;
 Но въ чемъ онъ истинный былъ гений,
 Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
 Что было для него измлада
 И трудъ, и мука, и отрада,
 Что занимало цѣлый день
 Его тоскующую лѣнь—
 Была наука страсти нѣжной,

Которую воспѣлъ Назонъ,
За что страдальцемъ кончилъ онъ
Свой вѣкъ блестящій и мятежный
Въ Молдавіи, въ глуши степей,
Вдали Италіи своей.

IX.

Насъ пылъ сердечный рано мучить—
Очаровательный обманъ—
Любви насъ не природа учитъ,
А Сталь или Шатобрианъ.
Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,
Мы узнаемъ ее въ романѣ,
Мы все узнали; между тѣмъ,
Не насладились мы ничѣмъ,
Природы гласъ предупреждая,
Мы только счастья вредимъ,
И поздно, поздно вслѣдъ за нимъ
Летитъ горячность молодая.
Онѣгинъ это испыталъ,
За то какъ женщины онъ узналъ!

X.

Какъ рано могъ онъ лицефривить,
Таить надежду, ревновать,
Разувѣрять, заставить вѣрять,
Казаться мрачнымъ, изнывать,
Являться гордымъ и послушнымъ,
Внимательнымъ, иль равнодушнымъ!
Какъ томно былъ онъ молчаливъ,
Какъ пламенно краснорѣчивъ,
Въ сердечныхъ письмахъ какъ небреженъ!
Однимъ дыша, одно любя,
Какъ онъ умѣлъ забыть себя!
Какъ взоръ его былъ быстръ и нѣженъ,
Стыдливъ и дерзокъ, а порой
Блисталъ послушною слезой!

XI.

Какъ онъ умѣлъ казаться новымъ,
Шутя невинность изумлять,
Пугать отчаянемъ готовымъ,
Пріятной лестью забавлять,
Ловить минуту умиленья,
Невинныхъ лѣтъ предубѣжденья
Умомъ и страстью побѣждать,
Невольной ласки ожидать,
Молить и требовать признанья,
Подслушать сердца первый звукъ,
Преслѣдовать любовь—и вдругъ
Добиться тайнаго свиданья,
И послѣ ей наединѣ
Давать уроки въ тишинѣ!

XII.

Какъ рано могъ ужъ онъ тревожить
Сердца кокетокъ записныхъ!
Когда-жъ хотѣлось уничтожить
Ему соперниковъ своихъ,
Какъ онъ язвительно злословилъ!
Какія сѣти имъ готовилъ!
Но вы, блаженные мужья,
Съ нимъ оставались вы друзья:
Его ласкалъ супругъ лукавый,
Фобласа давній ученикъ,
И недовѣрчивый старикъ,
И рогоносецъ величавый,
Всегда довольный самъ собой,
Своимъ обѣдомъ и женой.

XIII. XIV.

.....
.....
.....
.....

XV.

Бывало, онъ еще въ постелѣ:
Къ нему записочки несутъ.
Что? Приглашенья? Въ самомъ дѣлѣ,
Три дома на вечеръ зовутъ:
Тамъ будетъ балъ, тамъ дѣтскій праздникъ.
Куда-жъ поскачетъ мой проказникъ?
Съ кого начнетъ онъ? Все равно—
Вездѣ поспѣтъ немудрено.
Покамѣстъ, въ утреннемъ уборѣ,
Надѣвъ широкій боливаръ,
Онѣгинъ ѣдетъ на бульваръ
И тамъ гуляетъ на просторѣ,
Пока недремлющій брегетъ
Не позвонитъ ему обѣдъ.

XVI.

Ужъ темно: въ санки онъ садится;
«Поди! поди!» раздался крикъ:
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротникъ.
Къ Talon помчался: онъ увѣренъ,
Что тамъ ужъ ждетъ его Каверинъ;
Вошелъ—и пробка въ потолокъ,
Вина кометы брызнулъ токъ,
Предъ нимъ roast-beef окровавленный,
И трюфли—роскошь юныхъ лѣтъ,
Французской кухни лучшій цвѣтъ,
И Страсбурга пирогъ нетлѣнный
Межъ сыромъ лимбургскимъ живымъ
И ананасомъ золотымъ.

XVII.

Еще бокаловъ жажда проситъ
Залить горячій жиръ котлетъ;
Но звонъ брегета имъ доносить,

Что новый начался балетъ.
Театра злой законодатель,
Непостоянный обожатель
Очаровательныхъ актрисъ,
Почетный гражданинъ кулисъ,
Онѣгинъ полетѣлъ къ театру,
Гдѣ каждый, критикой дыша,
Готовъ охлопать entreechat,
Обшикать Федру, Клеопатру,
Моину вызвать для того,
Чтобъ только слышали его.

XVIII.

Волшебный край! Тамъ въ стары годы,
Сатиры смѣлой властелинъ,
Блистала Фонвизинъ, другъ свободы,
И перемчивый Княжнинъ;
Тамъ Озеровъ невольны дани
Народныхъ слезъ, рукоплесканій
Съ молодой Семеновою дѣлалъ;
Тамъ нашъ Катенинъ воскресилъ
Корнеля геній величавый;
Тамъ вывелъ колкій Шаховской
Своихъ комедій шумный рой;
Тамъ и Дидло вѣнчался славой:
Тамъ, тамъ, подъ сѣнюю кулисъ,
Младые дни мои неслись.

XIX.

Мои богини! Что вы? Гдѣ вы?
Внемлите мой печальный гласъ:
Все тѣ же-ль вы? Другія-ль дѣвы,
Смѣнивъ, не замѣнили васъ?
Услышу-ль вновь я ваши хоры?
Узрю ли русской Терпсихоры
Душой исполненный полетъ?
Иль взоръ унылый не найдетъ

Знакомыхъ лицъ на сценѣ скучной,
И, устремивъ на чуждый свѣтъ
Разочарованный лорнетъ,
Веселья зритель равнодушный,
Безмолвно буду я звать
И о быломъ вспоминать?

XX.

Театръ ужъ полонъ; ложи блещутъ;
Партеръ и кресла—все кипитъ;
Въ райкѣ нетерпливо плещутъ,
И, взвившись, занавѣсъ шумитъ.
Блистательна, полувоздушна,
Смычку волшебному послушна,
Толпою нимфъ окружена,
Стоитъ Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружить,
И вдругъ прыжокъ, и вдругъ летитъ,
Летитъ, какъ пухъ отъ устъ Эола;
То станъ советъ, то разовѣтъ.
И быстрой ножкой ножку бьетъ.

XXI.

Все хлопаетъ. Онѣгинъ входитъ:
Идетъ межъ креселъ по ногамъ,
Двойной лорнетъ, скосясь, наводитъ
На ложи незнакомыхъ дамъ;
Всѣ ярусы окинулъ взоромъ,
Все видѣлъ: лицами, уборомъ,
Ужасно недоволенъ онъ;
Съ мужчинами со всѣхъ сторонъ
Раскланяся, потомъ на сцену
Въ большомъ разсѣяньи взглянулъ,
Отворотился и зѣвнулъ,
И молвилъ: «всѣхъ пора на смѣну;
Балеты долго я терпѣлъ,
Но и Дидло мнѣ надобѣлъ».

XXII.

Еще амурь, черти, змѣи
На сценѣ скачутъ и шумятъ;
Еще усталые лакеи
На шубахъ у подѣзда спятъ;
Еще не перестали топтать,
Сморкаться, кашлять, шикать, хлопать;
Еще снаружи и внутри
Вездѣ блистаютъ фонари;
Еще, прозябнувъ, бьютъ кони,
Наскуча упряжью своей,
И кучера вокругъ огней
Бранятъ господъ и бьютъ въ ладони:
А ужъ Онѣгинъ вышелъ вонъ—
Домой одѣться ѣдетъ онъ.

XXIII.

Изобразу-ль въ картинѣ вѣрной
Уединенный кабинетъ,
Гдѣ модъ воспитанникъ примѣрный
Одѣтъ, раздѣтъ и вновь одѣтъ?
Все, чѣмъ для прихоти обильной
Торгуетъ Лондонъ шепетильный
И по балтическимъ волнамъ
За лѣсъ и сало возитъ намъ,
Все, что въ Парижѣ вкусъ голодный,
Полезный промыселъ избравъ,
Изобрѣтаетъ для забавъ,
Для роскоши, для нѣги модной—
Все украшало кабинетъ
Философа въ осьмнадцать лѣтъ.

XXIV.

Янтарь на трубкахъ Цареграда,
Фарфоръ и бронза на столѣ,
И, чувствъ изнѣженныхъ отрада,

Духи въ граненомъ хрусталѣ;
Гребенки, пилочки стальные,
Прямые ножницы, кривыя,
И щетки тридцати родовъ—
И для ногтей, и для зубовъ.
Руссо (замѣчу мимоходомъ)
Не могъ понять, какъ важный Гриммъ
Смѣлъ чистить ногти передъ нимъ,
Краснорѣчивымъ сумосбродомъ:
Защитникъ вольности и правъ
Въ семь случаѣ совѣмъ не правъ.

XXV.

Быть можно дѣльнымъ человѣкомъ
И думать о красѣ ногтей:
Къ чему бесплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей.
Второй Каверинъ, мой Евгенийъ,
Боясь ревнивыхъ осужденій,
Въ своей одеждѣ былъ педантъ
И то, что мы назвали франтъ.
Онъ три часа, по крайней мѣрѣ,
Предъ зеркалами проводилъ.
И изъ уборной выходилъ
Подобный вѣтреной Венерѣ,
Когда, надѣвъ мужской нарядъ,
Богиня ѣдетъ въ маскарадъ.

XXVI.

Въ послѣднемъ вкусѣ туалетомъ
Занявъ вашъ любопытный взглядъ,
Я могъ бы предъ ученымъ свѣтомъ
Здѣсь описать его нарядъ;
Конечно-бъ это было смѣло,
Описывать мое же дѣло;
Но панталоны, фракъ, жилетъ,
Всѣхъ этихъ словъ на русскомъ нѣтъ.
А вижу я, винюсь предъ вами,

Что ужъ и такъ мой бѣдный слогъ
Пестрѣтъ гораздо меньше-бъ могъ
Иноплеменными словами,
Хоть и заглядывалъ я встарь
Въ Академическій словарь.

XXVII.

У насъ теперь не то въ предметѣ:
Мы лучше поспѣшимъ на балъ,
Куда стремглавъ въ ямской каретѣ
Ужъ мой Онѣгинъ поскакалъ.
Предъ померкшими домами,
Вдоль сонной улицы, рядами
Двойные фонари каретъ
Веселый изливаютъ свѣтъ
И радуги на снѣгъ наводятъ;
Усѣянъ плошками кругомъ,
Блеститъ великолѣпный домъ;
По дѣльнымъ окнамъ тѣни ходятъ,
Мелькаютъ профили головъ
И дамъ, и модныхъ чудаковъ.

XXVIII.

Вотъ нашъ герой подѣхалъ къ сѣнямъ;
Швейцара мимо, онъ стрѣлой
Взлетѣлъ по мраморнымъ ступенямъ,
Расправилъ волоса рукой,
Вошелъ. Полна народу зала;
Музыка ужъ гремятъ устала;
Толпа мазуркой занята;
Кругомъ и шумъ, и тѣснота;
Бренчатъ кавалергарда шпоры;
Летаютъ ножки милыхъ дамъ;
По ихъ плѣнительнымъ слѣдамъ
Летаютъ пламенные взоры,
И ревомъ скрипокъ заглушенъ
Ревнивый шепотъ модныхъ женъ.

XXIX.

Во дни веселій и желаній
Я былъ отъ баловъ безъ ума;
Вѣрнѣй нѣтъ мѣста для признаній
И для врученія письма.
О вы, почтенные супруги!
Вамъ предложу свои услуги,
Прошу мою замѣтить рѣчь:
Я васъ хочу предостеречь.
Вы также, маменьки, построже
За дочерьми смотрите вслѣдъ,
Держите прямо свой лорнетъ,
Не то... не то, избави Боже!
Я это потому пишу,
Что ужъ давно я не грѣшу.

XXX.

Увы, на разныя забавы
Я много жизни погубилъ!
Но если-бъ не страдали нравы,
Я балы-бъ до сихъ поръ любилъ.
Люблю я бѣшеную младость,
И тѣсноту, и блескъ, и радость,
И дамъ обдуманнѣйшій нарядъ,
Люблю ихъ ножки—только врядъ
Найдете вы въ Россіи цѣмой
Три пары стройныхъ женскихъ ногъ.
Ахъ, долго я забыть не могъ
Двѣ ножки!.. Грустный, охладѣлый,
Я все ихъ помню, и во снѣ
Онѣ тревожатъ сердце мнѣ.

XXXI.

Когда-жь и гдѣ, въ какой пустынѣ,
Безумецъ, ихъ забудешь ты?
Ахъ, ножки, ножки! Гдѣ вы нынѣ?

Гдѣ мнете вешніе цвѣты?
Взмелѣяны въ восточной нѣгѣ,
На сѣверномъ, печальномъ снѣгѣ
Вы не оставили слѣдовъ:
Любили мягкихъ вы ковровъ
Роскошное прикосновенье.
Давно-ль для васъ я забывалъ
И жажду славы и похвалъ,
И край отцовъ и заточенье?
Исчезло счастье юныхъ лѣтъ,
Какъ на лугахъ вашъ легкій слѣдъ!

XXXII.

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья!
Однако ножка Терпсихоры
Прелестнѣй чѣмъ-то для меня.
Она, пророчествуя взгляду
Неоцѣненную награду,
Влечетъ условною красой
Желаній своевольный рой.
Люблю ее, мой другъ Эльвина,
Подъ длинной скатертью столовъ,
Весной на муравѣ луговъ,
Зимой на чугунѣ камина,
На зеркальномъ паркетѣ залъ,
У моря на гранитѣ скаль.

XXXIII.

Я помню море предъ грозюю:
Какъ я завидовалъ волнамъ,
Бѣгущимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желалъ тогда съ волнами
Коснуться милыхъ ногъ устами!
Нѣтъ, никогда среди пылкихъ дней
Кипящей младости моей
Я не желалъ съ такимъ мученьемъ

Лобзать уста молодыхъ Арמידъ,
Иль розы пламенныхъ ланить,
Иль перси, полныя томленьемъ;
Нѣтъ, никогда порывъ страстей
Такъ не терзалъ души мой!

XXXIV.

Мнѣ памятно другое время:
Въ завѣтныхъ иногда мечтахъ
Держу я счастливое стремя
И ножку чувствую въ рукахъ;
Опять кипить воображенье,
Опять ея прикосновеенье
Зажгло въ увядшемъ сердцѣ кровь,
Опять тоска, опять любовь...
Но полно прославлять надменныхъ
Болтливой лирою своей:
Онѣ не стоять ни страстей,
Ни пѣсенъ, ими вдохновенныхъ;
Слова и взоръ волшебницъ сихъ
Обманчивы, какъ ножки ихъ.

XXXV.

Что-жь мой Онѣгинъ? Полусонный
Въ постелю съ бала ѣдетъ онъ,
А Петербургъ неугомонный
Ужь барабаномъ пробужденъ.
Встаетъ купецъ, идетъ разнощикъ,
На биржу тянется извощикъ,
Съ кувшиномъ охтенка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ,
И хлѣбникъ, нѣмецъ аккуратный,
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужь отворялъ свой *васисдасъ*.

XXXVI.

Но, шумомъ бала утомленный
И утро въ полночь обратя,
Спокойно спить въ тѣни блаженной
Забавъ и роскоши дитя.
Проснется запыленъ, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра,
И завтра то же, что вчера.
Но былъ ли счастливъ мой Евгенийъ,
Свободный, въ цвѣтѣ лучшихъ лѣтъ,
Среди блистательныхъ побѣдъ,
Среди вседневныхъ наслаждений?
Вотще ли былъ онъ средь пировъ
Неостороженъ и здоровъ?

XXXVII.

Нѣтъ, рано чувства въ немъ остыли;
Ему наскучилъ свѣта шумъ;
Красавицы не долго были
Предметъ его привычныхъ думъ;
Измѣны утомить успѣли;
Друзья и дружба надоѣли,
Затѣмъ, что не всегда же могъ
Beef-steaks и страсбургскій пирогъ
Шампанской обливать бутылкой,
И сыпать острыя слова,
Когда болѣла голова:
И хоть онъ былъ повѣса пылкій,
Но разлюбилъ онъ наконецъ
И брань, и саблю, и свинецъ.

XXXVIII.

Недугъ, котораго причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный англійскому *сплину*,
Короче—русская *хандра*

Имъ овладѣла понемногу;
Онъ застрѣлиться, слава Богу,
Попробовать не захотѣлъ,
Но къ жизни вовсе охладѣлъ.
Какъ *Child-Harold*, угрюмый, томный,
Въ гостиныхъ появлялся онъ;
Ни сплетни свѣта, ни бостонъ,
Ни милый взглядъ, ни вздохъ нескромный,
Ничто не трогало его,
Не замѣчалъ онъ ничего.

XXXIX. XL. XLI.

.....
.....
.....
.....

XLII.

Причудницы большаго свѣта!
Всѣхъ прежде васъ оставилъ онъ.
И правда то, что въ наши лѣта
Довольно скученъ высшій тонъ.
Хоть, можетъ быть, иная дама
Толкуетъ Сея и Бентама;
Но вообще ихъ разговоръ
Несносный, хоть невинный, вздоръ.
Къ тому-жь онѣ такъ непорочны,
Такъ величавы, такъ умны,
Такъ благочестія полны,
Такъ осмотрительны, такъ точны,
Такъ неприступны для мужчинъ,
Что видъ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.

XLIII.

И вы, красотки молодыя,
Которыхъ позднею порой
Уносятъ дрожки удалыя

По петербургской мостовой,
И васъ покинулъ мой Евгенийъ.
Отступникъ бурныхъ наслажденій,
Онѣгинъ дома заперся,
Зѣвая, за перо взялся,
Хотѣлъ писать; но трудъ упорный
Ему былъ тошенъ; ничего
Не вышло изъ пера сго;
И не попалъ онъ въ цехъ задорный
Людей, о коихъ не сузу
Затѣмъ, что къ нимъ принадлежу.

XLIV.

И, снова преданный бездѣлю,
Томясь дешевой пустотой,
Усѣлся онъ съ похвальной дѣлю
Себѣ присвоить умъ чужой;
Отрядомъ книгъ уставилъ полку,
Читалъ, читалъ, а все безъ толку;
Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ;
Въ томъ совѣсти, въ томъ смысла нѣтъ;
На всѣхъ различныя вериги;
И устарѣла старина,
И старымъ бредить новизна.
Какъ женщинъ, онъ оставилъ книги,
И полку съ пыльной ихъ семьей
Задержнулъ траурной тафтой.

XLV.

Условій свѣта свергнувъ бремя,
Какъ онъ, отставъ отъ суеты,
Съ нимъ подружился я въ то время.
Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Неподражательная странность
И рѣзкій, охлажденный умъ.
Я былъ озлобленъ, онъ угрюмъ;
Страстей игру мы знали оба:

Томила жизнь обоихъ насъ;
Въ обоихъ сердца жаръ погасъ;
Обоихъ ожидала злота
Слѣпой Фортуны и людей
На самомъ утрѣ нашихъ дней.

XLVI.

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей;
Кто чувствовалъ, того тревожитъ
Призракъ невозвратимыхъ дней—
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того змѣя воспоминаній,
Того раскаянье грызетъ.
Все это часто придаетъ
Большую прелесть разговору.
Сперва Онѣгина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его язвительному спору,
И къ шуткѣ, съ желчью пополамъ,
И къ злости мрачныхъ эпиграммъ.

XLVII.

Какъ часто лѣтнею порою,
Когда прозрачно и свѣтло
Ночное небо надъ Невою,
И вода веселое стекло
Не отражаетъ ликъ Дианы,
Вспомня прежнихъ лѣтъ романы,
Вспомня прежнюю любовь,
Чувствительны, безпечны вновь,
Дыханьемъ ночи благосклонной
Безмолвно упивались мы!
Какъ въ лѣсъ зеленый изъ тюрьмы
Перенесенъ колодникъ сонный,
Такъ уносились мы мечтой
Къ началу жизни молодой.

XLVIII.

Съ душою, полной сожалѣній,
И опершися на гранитъ,
Стоялъ задумчиво Евгенийъ,
Какъ описалъ себя пѣтъ.
Все было тихо, лишь ночные
Перекликались часовые,
Да дробекъ отдаленный стукъ
Съ Мильонной раздавался вдругъ;
Лишь лодка, веслами махая,
Плыла по дремлющей рѣкѣ,
И насъ плѣняли вдалекѣ
Рожокъ и пѣсня удалая.
Но слаще, средь ночныхъ забавъ,
Напѣвъ Торкватовыхъ октавъ!

XLIX.

Адриатическія волны!
О, Брента! Нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенъ снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ венеціанкою молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ;
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви.

L.

Придетъ ли часъ моей свободы?
Пора, пора! — взываю къ ней;
Брожу надъ моремъ, жду погоды,

Маню вѣтрила кораблей.
Подъ ризой бурь, съ волнами споря,
По вольному распутью моря
Когда-жъ начну я вольный бѣгъ?
Пора покинуть скучный берегъ
Мнѣ непріязненной стихіи,
И средь полуденныхъ зыбей,
Подъ небомъ Африки моей,
Вздыхать о сумрачной Россіи,
Гдѣ я страдалъ, гдѣ я любилъ,
Гдѣ сердце я похоронилъ...

LI.

Онѣгинъ былъ готовъ со мною
Увидѣть чуждыя страны;
Но скоро были мы судьбою
На долгій срокъ разведены.
Отецъ его тогда скончался.
Передъ Онѣгинымъ собрался
Займодавцевъ жадный полкъ.
У каждого свой умъ и толкъ:
Евгеній, тяжбы ненавидя,
Довольный жребіемъ своимъ,
Наслѣдство предоставилъ имъ,
Большой потери въ томъ не видя,
Иль предузнавъ издалика
Кончину дяди старика.

LII.

Вдругъ получилъ онъ въ самомъ дѣлѣ
Отъ управителя докладъ,
Что дядя при смерти въ постелѣ,
И съ нимъ проститься былъ бы радъ.
Прочтя печальное посланье,
Евгеній тотчасъ на свиданье
Стремглавъ по почтѣ поскакалъ
И ужъ заранѣе зѣвалъ,
Приготовляясь, денегъ ради,

На вздохи, скуку и обманъ
(И тѣмъ я началъ мой романъ);
Но, прилетѣвъ въ деревню дяди,
Его нашелъ ужъ на столѣ,
Какъ дань, готовую землѣ.

LIII.

Нашелъ онъ полонъ дворъ услуги;
Къ покойнику со всѣхъ сторонъ
Съѣзжались недруги и други,
Охотники до похоронъ.
Покойника похоронили.
Попы и гости ѣли, пили,
И послѣ важно разошлись,
Какъ будто дѣломъ занялись.
Вотъ нашъ Онѣгинъ—сельскій житель,
Заводовъ, водъ, лѣсовъ, земель
Хозяинъ полный, а доселѣ
Порядка врагъ и расточитель,
И очень радъ, что прежній путь
Перемѣнилъ на что нибудь.

LIV.

Два дня ему казались новы
Уединенныя поля,
Прохлада сумрачной дубровы,
Журчанье тихаго ручья;
На третій—роща, холмъ и поле
Его не занимали болѣ;
Потомъ ужъ наводили сонъ;
Потомъ увидѣлъ ясно онъ,
Что и въ деревнѣ скука та же,
Хоть нѣтъ ни улицъ, ни дворцовъ,
Ни картъ, ни баловъ, ни стиховъ.
Хандра ждала его на стражѣ,
И бѣвала за нимъ она,
Какъ тѣнь, иль вѣрная жена.

LV.

Я былъ рожденъ для жизни мирной,
 Для деревенской тишины:
 Въ глуши звучиѣе голосъ лирный,
 Живѣе творческіе сны.
 Досугамъ посвятаюсь невиннымъ,
 Брожу надъ озеромъ пустыннымъ,
 И *far niente* мой законъ.
 Я каждымъ утромъ пробужденъ
 Для сладкой нѣги и свободы:
 Читаю мало, много сплю,
 Летучей славы не ловлю.
 Не такъ ли я въ былые годы
 Провелъ въ бездѣйствіи, въ тиши,
 Мои счастливѣйшіе дни?

LVI.

Цвѣты, любовь, деревня, праздность,
 Поля! я преданъ вамъ душой.
 Всегда я радъ замѣтить разность
 Между Онѣгинымъ и мной,
 Чтобы насмѣшливый читатель,
 Или какой нибудь издатель
 Замысловатой клеветы,
 Сличая здѣсь мои черты,
 Не повторялъ потомъ безбожно,
 Что намаралъ я свой портретъ,
 Какъ Байронъ, гордости поэтъ;
 Какъ будто намъ ужь невозможно
 Писать поэмы о другомъ,
 Какъ только о себѣ самомъ?

LVII.

Замѣчу кстати: всѣ поэты —
 Любви мечтательной друзья.
 Бывало, милые предметы

Мнѣ снились, и душа моя
 Ихъ образъ тайный сохранила;
 Ихъ послѣ муза оживила:
 Такъ я, безпечень, воспѣвалъ
 И дѣву горь, мой идеалъ,
 И плѣнницъ береговъ Салгира.
 Теперь отъ васъ, мои друзья,
 Вопросъ нерѣдко слышу я:
 «О комъ твоя вздыхаетъ лира?
 Кому, въ толпѣ ревнивыхъ дѣвъ,
 Ты посвятилъ ея напѣвъ!»

LVIII.

«Чей взоръ, волнуя вдохновенье,
 Умильной лаской наградилъ
 Твое задумчивое пѣнье?
 Кого твой стихъ боготворилъ?»
 И, други, никого, ей-Богу!
 Любви безумную тревогу
 Я безотрадно испыталъ.
 Блаженъ, кто съ нею сочеталъ
 Горячку риѣмъ: онъ тѣмъ удвоилъ
 Поэзіи священный бредъ,
 Петраркѣ шествуя вослѣдъ,
 А муки сердца успокоилъ,
 Поймалъ и славу между тѣмъ;
 Но я, любя, былъ глухъ и нѣмъ.

LIX.

Прошла любовь, явилась муза,
 И прояснился темный умъ.
 Свободенъ, вновь ищу союза
 Волшебныхъ звуковъ, чувствъ и думъ;
 Пишу, и сердце не тоскуетъ;
 Перо, забывшись, не рисуетъ
 Близъ неоконченныхъ стиховъ
 Ни женскихъ ножекъ, ни головъ;

Погасшій пепель ужь не вспыхнетъ;
Я все грущу, а слезъ ужь нѣтъ,
И скоро, скоро бури слѣдъ
Въ душѣ моей совсѣмъ утихнетъ.
Тогда-то я начну писать
Поэму, пѣсенъ въ двадцать пять.

LX.

Я думалъ ужь о формѣ плана,
И какъ героя назову.

Покамѣстъ моего романа
Я кончилъ первую главу;
Пересмотрѣлъ все это строго:
Противорѣчій очень много,
Но ихъ исправить не хочу.
Цензурѣ долгъ свой заплачу,
И журналистамъ на съѣденъе
Плоды трудовъ своихъ отдамъ:
Иди же къ невскимъ берегамъ,
Новорожденное творенье!
И заслужи мнѣ славы дань:
Кривые толки, шумъ и брань!

О гуси
О г.
О Русы!

I.

Деревня, гдѣ скучалъ Евгений,
Была прелестный уголокъ;
Тамъ другъ невинныхъ наслажденій
Благословить бы небо могъ.
Господскій домъ уединенный,
Горой отъ вѣтровъ огражденный,
Стоялъ надъ рѣчкою; вдали
Предъ нимъ пестрѣли и цвѣли
Луга и нивы золотыя,
Мелькали села здѣсь и тамъ,
Стада бродили по лугамъ,
И сѣни расширялъ густыя
Огромный, запущенный садъ,
Приютъ задумчивыхъ дриадъ.

II.

Почтенный замокъ былъ построенъ,
Какъ замки строиться должны:
Отмѣнно проченъ и спокоенъ,

Во вкусѣ умной старины.
Вездѣ высокіе покои,
Въ гостиной штофные обои,
Царей портреты на стѣнахъ
И печи въ пестрыхъ изразцахъ.
Все это нынѣ обветшало,
Не знаю, право, почему,
Да впрочемъ другу моему
Въ томъ нужды было очень мало,
Затѣмъ, что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

III.

Онъ въ томъ покоѣ поселился,
Гдѣ деревенскій старожилъ
Лѣтъ сорокъ съ ключницей бранился,
Въ окно смотрѣлъ и мухъ давилъ,
Все было просто: полъ дубовый,
Два шкафа, столъ, диванъ пуховый,
Нигдѣ ни пятнышка чернилъ.
Онъгинъ шкафы отворилъ:

Въ одномъ нашелъ тетрадь расхода,
Въ другомъ наливокъ цѣлый строй,
Кувшины съ яблочной водой
И календарь осьмаго года,
Старикъ, имѣя много дѣлъ,
Въ иныя книги не глядѣлъ.

IV.

Одинъ среди своихъ владѣній,
Чтобъ только время проводить,
Сперва задумалъ нашъ Евгений
Порядокъ новый учредить.
Въ своей глуши мудрецъ пустынный,
Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ—
И рабъ судьбу благословилъ.
За то въ углу своемъ надулся,
Увидя въ этомъ страшный вредъ,
Его разсчетливый сосѣдъ;
Другой лукаво улыбнулся,
И въ голосъ всѣ рѣшили такъ,
Что онъ опаснѣйшій чудакъ.

V.

Сначала всѣ къ нему ѣзжали;
Но такъ какъ съ задняго крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донскаго жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышатъ ихъ домашни дроги:—
Поступкомъ оскорбясь такимъ,
Всѣ дружбу прекратили съ нимъ.
«Сосѣдъ нашъ неучъ, сумасбродить;
Онъ фармазонъ; онъ пьетъ одно
Стаканомъ красное вино;
Онъ дамамъ къ ручкѣ не подходитъ;
Все да, да и вѣтъ, не скажетъ да-сѣ
Иль и вѣтъ-сѣ». Таковъ былъ общій гласъ.

VI.

Въ свою деревню въ ту же пору
Помѣщикъ новый прискакалъ,
И столь же строгому разбору
Въ сосѣдствѣ поводъ подавалъ:
По имени Владиміръ Ленской,
Съ душою прямо геттингенской,
Красавецъ, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ,
Поклонникъ Канта и поэтъ.
Онъ изъ Германіи туманной
Привезъ учености плоды:
Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И кудри черныя до плечъ.

VII.

Отъ хладнаго разврата свѣта
Еще увянуть не успѣвъ,
Его душа была согрѣта
Привѣтомъ друга, лаской дѣвъ.
Онъ сердцемъ милый былъ невѣжда;
Его лелѣяла надежда,
И міра новый блескъ и шумъ,
Еще плѣняли юный умъ.
Онъ забавлялъ мечтою сладкой
Сомнѣнья сердца своего.
Цѣль жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой;
Надъ ней онъ голову ломалъ
И чудеса подозрѣвалъ.

VIII.

Онъ вѣрилъ, что душа родная
Соединиться съ нимъ должна;
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждетъ она;

Онъ вѣрилъ, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнетъ ихъ рука
Разбить сосудъ клеветника;
Что есть избранные судьбами
Людей священные друзья,
Что ихъ безсмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда нибудь насъ озарить
И міръ блаженствомъ одарить.

IX.

Негодование, сожалѣнье,
Ко благу чистая любовь
И славы сладкое мученье
Въ немъ рано волновали кровь.
Онъ съ лирой странствовалъ на свѣтѣ:
Подъ небомъ Шиллера и Гете,
Ихъ поэтическимъ огнемъ
Душа воспламенилась въ немъ;
И музъ возвышенныхъ искусства,
Счастливецъ, онъ не постыдилъ;
Онъ въ пѣсняхъ гордо сохранилъ
Всегда возвышенныя чувства,
Порывы дѣвственной мечты
И прелесть важной простоты.

X.

Онъ пѣлъ любовь, любви послушный,
И пѣснь его была ясна,
Какъ мысли дѣвы простодушной,
Какъ сонъ младенца, какъ луна
Въ пустыняхъ неба безмятежныхъ,
Богиня тайнъ и вздоховъ нѣжныхъ.
Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туману даль,
И романтическія розы;
Онъ пѣлъ тѣ дальныя страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины

Лились его живыя слезы;
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ осьмнадцать лѣтъ.

XI.

Въ пустынѣ, гдѣ одинъ Евгений
Могъ одѣнить его дары.
Господь сосѣдственныхъ селеній
Ему не нравились пиры;
Бѣжалъ онъ ихъ бесѣды шумной.
Ихъ разговоръ благоразумный
О сѣнокосѣ, о винѣ,
О псарнѣ, о своей роднѣ,
Конечно, не блисталъ ни чувствомъ,
Ни поэтическимъ огнемъ,
Ни острою, ни умомъ,
Ни общежитія искусствомъ;
Но разговоръ ихъ милыхъ женъ
Гораздо меньше былъ уменъ.

XII.

Богатъ, хорошъ собою, Ленскій
Вездѣ былъ принятъ какъ женихъ.
Таковъ обычай деревенскій;
Всѣ дочекъ прочили своихъ
За полурусскаго сосѣда.
Войдетъ ли онъ—тотчасъ бесѣда
Заводитъ слово стороной
О скукѣ жизни холостой;
Зовутъ сосѣда къ самовару,
А Дуня разливаетъ чай;
Ей шепчуть: «Дуня, примѣчай!»
И запишитъ она (Богъ мой!):
«Приди въ чертогъ ко мнѣ златой!..»

XIII.

Но Ленскій, не имѣвъ конечно
Охоты узы брака несть,

Съ Онѣгинымъ желалъ сердечно
Знакомство покорооче свестъ.
Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой.
Сперва, взаимной разнотой,
Они другъ другу были скучны;
Потомъ понравились; потомъ
Сѣзжались каждый день верхомъ,
И скоро стали неразлучны.
Такъ люди (первый каюсь я)
Отъ *дѣлать* нечего друзья.

XIV.

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами;
Всѣ предразсудки истребя,
Мы почитаемъ всѣхъ нулями,
А единицами себя;
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны;
Двуногихъ тварей миллионы
Для насъ орудіе одно;
Намъ чувство дико и смѣшно.
Сноснѣе многихъ былъ Евгений;
Хоть онъ людей конечно зналъ
И вообще ихъ презиралъ;
Но правилъ нѣтъ безъ исключеній:
Иныхъ онъ очень отличалъ.
И вчужѣ чувство уважалъ.

XV.

Онъ слушалъ Ленскаго съ улыбкой:
Поэта пылкій разговоръ,
И умъ, еще въ сужденіяхъ зыбкій,
И вѣчно вдохновенный взоръ—
Онѣгину все было ново;
Онъ охладительное слово
Въ устахъ старался удержать
И думалъ: глупо мнѣ мѣшать

Его минутному блаженству;
И безъ меня пора придетъ;
Пускай покамѣстъ онъ живетъ,
Да вѣритъ міра совершенству;
Простимъ горячкѣ юныхъ лѣтъ
И юный жаръ, и юный бредъ.

XVI.

Межъ ними все рождало споры
И къ размышленію влекло:
Племенъ минувшихъ договоры,
Плоды наукъ, добро и зло,
И предразсудки вѣковые,
И гроба тайны роковыя,
Судьба и жизнь, въ свою чреду,
Все подвергалось ихъ суду.
Поэтъ въ жару своихъ сужденій
Читалъ, забывшись, между тѣмъ,
Отрывки сѣверныхъ поэмъ;
И снисходительный Евгений,
Хоть ихъ не много понималъ,
Прилежно юношѣ внималъ.

XVII.

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ.
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти,
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Съ невольнымъ вздохомъ сожалѣнья.
Блаженъ, кто вѣдалъ ихъ волненья
И наконецъ отъ нихъ отсталъ;
Блаженнѣй тотъ, кто ихъ не зналъ,
Кто охлаждалъ любовь разлукой,
Вражду злословіемъ; порой
Зѣвалъ съ друзьями и женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дѣдовъ вѣрный капиталъ
Коварной двойкѣ не вѣрять!

XVIII.

Когда прибѣгнемъ мы подъ знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснетъ пламя,
И намъ становятся смѣшны
Ихъ своевольство, ихъ порывы
И запоздалые отзывы,
Смиренные не безъ труда,—
Мы любимъ слушать иногда

Страстей чужихъ языкъ мятежный,
И намъ онъ сердце шевелить,
Такъ точно старый инвалидъ
Охотно клонить слухъ прилежный
Къ рассказамъ юныхъ усачей,
Забытый въ хижинѣ своей.

XIX.

За то и пламенная младость
Не можетъ ничего скрывать:
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
Въ любви считаюсь инвалидомъ,
Онѣгиня слушалъ съ важнымъ видомъ,
Какъ, сердца исповѣдь любя,
Поэтъ высказывалъ себя;
Свою доврчивую совѣсть
Онъ простодушно обнажалъ;
Евгеній безъ труда узналъ
Его любви младую повѣсть,
Обильный чувствами рассказъ,
Давно не новыми для насъ.

XX.

Ахъ, онъ любилъ, какъ въ наши лѣта
Уже не любятъ; какъ одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, вездѣ одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль!
Ни охлаждающая даль,
Ни долгія лѣта разлуки,
Ни музамъ данные часы,
Ни чужеземныя красы,
Ни шумъ веселій, ни науки
Души не измѣнили въ немъ,
Согрѣтой дѣвственнымъ огнемъ.

XXI.

Чуть отрокъ, Ольгою плѣненный,
Сердечныхъ мукъ еще не знавъ,
Онъ былъ свидѣтель умиленный
Ея младенческихъ забавъ;
Въ тѣни хранительной дубравы
Онъ раздѣлялъ ея забавы,
И дѣтямъ прочили вѣнцы
Друзья-сосѣди, ихъ отцы.
Въ глуши, подъ сѣнью смиренной,
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей, она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный,
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII.

Она поэту подарила
Младыхъ восторговъ первый сонъ;
И мысль о ней одушевила
Его цѣвницы первый стонъ.
Простите, игры золотыя,
Онъ роши полюбилъ густыя,
Уединенье, тишину,
И ночь, и звѣзды, и луну—
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулку средь вечерней тьмы
И слезы, тайныхъ мукъ отраду...
Но нынѣ видимъ только въ ней
Замѣну тусклыхъ фонарей.

XXIII.

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда какъ утро весела,
Какъ жизнь поэта простодушна,

Какъ поцѣлуй любви мила,
Глаза какъ небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ... но любой романъ
Возьмите и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ;
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.
Позвольте мнѣ, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

XXIV.

Ея сестра звалась Татьяна...
Впервые именемъ такимъ
Страницы нѣжныя романа
Мы своевольно освятимъ.
И что-жь? Оно пріятно, звучно,
Но съ нимъ, я знаю, неразлучно
Воспоминанье старины,
Иль дѣвичьей. Мы всѣ должны
Признаться, вкуса очень мало

У насъ и въ нашихъ именахъ
(Не говоримъ ужъ о стихахъ);
Намъ просвѣщенъ не пристало,
И намъ досталось отъ него
Жеманство—больше ничего.

XXV.

Итакъ, она звалась Татьяной.
Ни красотой сестры своей,
Ни свѣжестю ея румяной
Не привлекла-бъ она очей.
Дика, печальна, молчалива,
Какъ лань лѣсная боязлива,
Она въ семьѣ своей родной
Казалась дѣвочкой чужой.
Она ласкаться не умѣла
Къ отцу, ни къ матери своей;
Дитя сама, въ толпѣ дѣтей
Играть и прыгать не хотѣла,
И часто, дѣлмый день одна,
Сидѣла молча у окна.

XXVI.

Задумчивость, ея подруга
Отъ самыхъ колыбельныхъ дней,
Теченье сельскаго досуга
Мечтами украсила ей.
Ея избѣженные пальцы
Не знали игль; склонясь на пальцы,
Узоромъ шелковымъ она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примѣта:
Съ послушной куклою дитя
Приготавливается шутя
Къ приличію—закону свѣта,
И важно повторяетъ ей
Уроки маменьки своей.

XXVII.

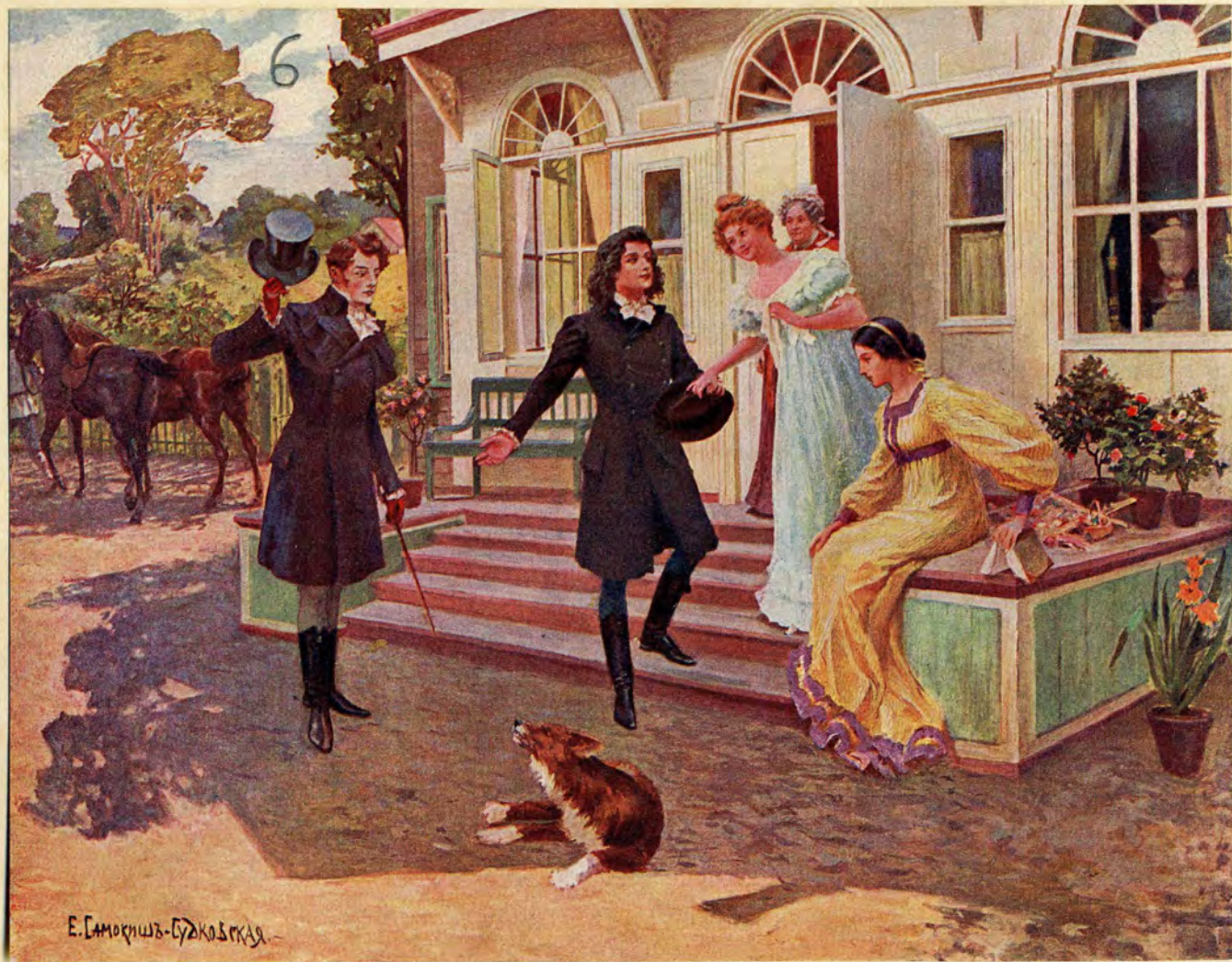
Но куклы, даже въ эти годы,
Татьяна въ руки не брала;
Про вѣсти города, про моды
Бесѣды съ нею не вела.
И были дѣтскія проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою, въ темнотѣ ночей,
Плѣняли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги, на широкой лугъ,
Всѣхъ маленькихъ ея подругъ,
Она въ горѣлки не играла,
Ей скученъ былъ и звонкій смѣхъ,
И шумъ ихъ вѣтренныхъ утѣхъ.

XXVIII.

Она любила на балконѣ
Предупреждать зари восходъ,
Когда на блѣдномъ небосклонѣ
Звѣздъ исчезаетъ хороводъ,
И тихо край земли свѣтлѣетъ,
И вѣстникъ утра, вѣтеръ вѣетъ,
И всходитъ постепенно день.
Зимой, когда ночная тѣнь
Полміромъ долѣ обладаетъ,
И долѣ праздною тишиной,
При отуманенной лунѣ,
Востокъ лѣнивый почиваетъ,
Въ привычный часъ пробуждена,
Вставала при свѣчахъ она.

XXIX.

Ей рано нравились романы;
Они ей замѣняли все;
Она влюблялася въ обманы
И Ричардсона, и Руссо.
Отецъ ея былъ добрый малый,

Е. СМОКОВИЧЪ-БУДКОБРАДЪ

Въ прошедшемъ вѣкъ запоздалый,
Но въ книгахъ не видалъ вреда;
Онъ, не читая никогда,
Ихъ почиталъ пустой игрушкой

И не заботился о томъ,
Какой у дочки тайный томъ
Дремалъ до утра подъ подушкой.
Жена-жь его была сама
Отъ Ричардсона безъ ума.

XXX.

Она любила Ричардсона
Не потому, чтобы прочла,

Не потому, чтобъ Грандисона
Она Ловласу предпочла;
Но встарину княжна Полина,
Ея московская кузина,
Твердила часто ей объ нихъ.
Въ то время былъ еще женихъ
Ея супругъ, но по-неволѣ
Она вздыхала о другомъ,
Который сердцемъ и умомъ
Ей нравился гораздо болѣ—
Сей Грандисонъ былъ славный франтъ,
Игрокъ и гвардіи сержантъ.

XXXI.

Какъ онъ, она была одѣта
Всегда по модѣ и къ лицу.
Но не спросясь ея совѣта,
Дѣвицу повезли къ вѣнцу.
И чтобъ ея разсѣять горе,
Разумный мужъ уѣхалъ вскорѣ
Въ свою деревню, гдѣ она,
Богъ знаетъ кѣмъ окружена,
Рвалась и плакала сначала,
Съ супругомъ чуть не развелась,
Потомъ хозяйствомъ занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свыше намъ дана,
Замѣна счастью она.

XXXII.

Привычка усладила горе,
Неотразимое ничѣмъ;
Открытіе большое вскорѣ
Ее утѣшило совсѣмъ.
Она межъ дѣломъ и досугомъ
Открыла тайну, какъ супругомъ
Единовластно управлять,
И все тогда пошло на стать.

Она ѣзжала по работамъ,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила въ баню по субботамъ,
Служанокъ била осердясь—
Все это мужа не спросясь.

XXXIII.

Бывало писывала кровью
Она въ альбомы нѣжныхъ дѣвъ,
Звала Полиною Прасковью
И говорила нараспѣвъ;
Корсетъ носила очень узкій,
И рускій Н, какъ Н французскій,
Произносить умѣла въ носъ:
Но скоро все перевелось:
Корсетъ, альбомъ, княжну Полину,
Стишковъ чувствительныхъ тетрадь
Она забыла—стала звать
Акулькой прежнюю Селину
И обновила наконецъ
На ватѣ шлафоръ и чепецъ.

XXXIV.

Но мужъ любилъ ее сердечно,
Въ ся затѣи не входилъ,
Во всемъ ей вѣровалъ безопасно,
А самъ въ халатѣ вѣлъ и пилъ.
Покойно жизнь его катилась;
Подъ вечеръ иногда сходилась
Сосѣдей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмѣяться кой о чемъ.
Проходитъ время; между тѣмъ
Прикажутъ Ольгѣ чай готовить,
Тамъ ужинать, тамъ и спать пора,
И гости вѣдутъ со двора.

XXXV.

Они хранили въ жизни мирной
Привычки милой старины:
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились русскіе блины;
Два раза въ годъ они говѣли;
Любили круглыя качели,
Подблюдны пѣсни, хороводъ;
Въ день Троицынъ, когда народъ
Зѣвая слушаетъ молебень,
Умильно на пучекъ зари
Они роняли слезки три;
Имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потребень,
И за столомъ у нихъ гостямъ
Носили блюда по чинамъ.

XXXVI.

И такъ они старѣли оба.
И отворились наконецъ
Передъ супругомъ двери гроба,
И новый онъ пріялъ вѣнецъ.
Онъ умеръ въ часъ передъ обѣдомъ,
Оплаканный своимъ сосѣдомъ,
Дѣтьми и вѣрною женой,
Чистосердечнѣй, чѣмъ иной.
Онъ былъ простой и добрый баринъ,
И тамъ, гдѣ прахъ его лежитъ,
Надгробный памятникъ гласитъ:
*Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и Бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.*

XXXVII.

Своимъ пенатамъ возвращенный,
Владиміръ Ленскій посѣтилъ
Сосѣда памятникъ смиренный
И вздохъ онъ пеплу посвятилъ;
И долго сердцу грустно было.

«*Poor Yorick!*» молвилъ онъ уныло,
«Онъ на рукахъ меня держалъ.
Какъ часто въ дѣтствѣ я игралъ
Его очаковской медалью!
Онъ Ольгу прочилъ за меня,
Онъ говорилъ: дождусь ли дня?..»
И полный искренней печалью,
Владиміръ тутъ же начерталъ
Ему надгробный мадригалъ.

XXXVIII.

И тамъ же надписью печальной
Отца и матери, въ слезахъ,
Почтилъ онъ прахъ патриархальный..
Увы, на жизненныхъ браздахъ
Мгновенной жатвой, поколѣнья,
По тайной волѣ Провидѣнья,
Восходятъ, зрѣютъ и падутъ;
Другія имъ вослѣдъ идутъ...
Такъ наше вѣтренное племя
Растетъ, волнуется, кипитъ
И къ гробу правдѣ довѣснитъ.
Придетъ, придетъ и наше время,
И наши внуки въ добрый часъ
Изъ міра вытѣснятъ и насъ.

XXXIX.

Покамѣстъ упивайтесь ею,
Сей легкой жизнію, друзья!

Ея ничтожность разумѣю
И мало къ ней привязанъ я;
Для призраковъ закрылъ я вѣжды;
Но отдаленныя надежды
Тревожатъ сердце иногда:
Безъ непримѣтнаго слѣда
Мнѣ было-бъ грустно міръ оставить.
Живу, пишу не для похвалъ;
Но я бы, кажется, желалъ
Печальный жребій свой прославить,
Чтобъ обо мнѣ, какъ вѣрный другъ,
Напомнилъ хоть единый звукъ.

XI.

И чье нибудь онъ сердце тронетъ;
И сохраненная судьбой,
Быть можетъ, въ Лѣтѣ не потонетъ
Строфа, слагаемая мной;
Быть можетъ—лестная надежда!—
Укажетъ будущій невѣжда
На мой прославленный портретъ
И молвить: то-то былъ поэтъ!
Прими-жь мое благодаренье,
Поклонникъ мирныхъ Аонидъ,
О ты, чья память сохранить
Мои летучія творенья,
Чья благосклонная рука
Потреплетъ лавры старика!

Пришла худая череда!
 Зашибло...—«Разкажи мнѣ, няня,
 Про ваши старые года!
 Была ты влюблена тогда?»

XVIII.

— И, полно, Таня! Въ эти лѣта
 Мы не слыхали про любовь;
 А то бы согнала со свѣта
 Меня покойница свекровь.—
 «Да какъ же ты вѣчилась, няня?»
 — Такъ, видно, Богъ велѣлъ. Мой Ваня

Моложе былъ меня, мой свѣтъ,
 А было мнѣ тринадцать лѣтъ.
 Недѣли двѣ ходила сваха
 Къ моей роднѣ, и наконецъ
 Благословилъ меня отецъ.
 Я горько плакала со страха;
 Мнѣ съ плачемъ косу расплели
 Да съ пѣниемъ въ церковь повели.

XIX.

И вотъ ввели въ семью чужую...
 Да ты не слушаешь меня...—

Своей печати вырѣзной.
 Но, дверь тихонько отпирая,
 Ужь ей Филипьевна сѣдая
 Приносить на подносѣ чай.
 — Пора, дитя мое, вставай:
 Да ты, красавица, готова!
 О, пташка ранняя моя!
 Вечоръ ужъ какъ боялась я!
 Да, слава Богу, ты здорова!
 Тоски ночной и слѣду нѣтъ!
 Лицо твое какъ маковъ цвѣтъ.

XXXIV.

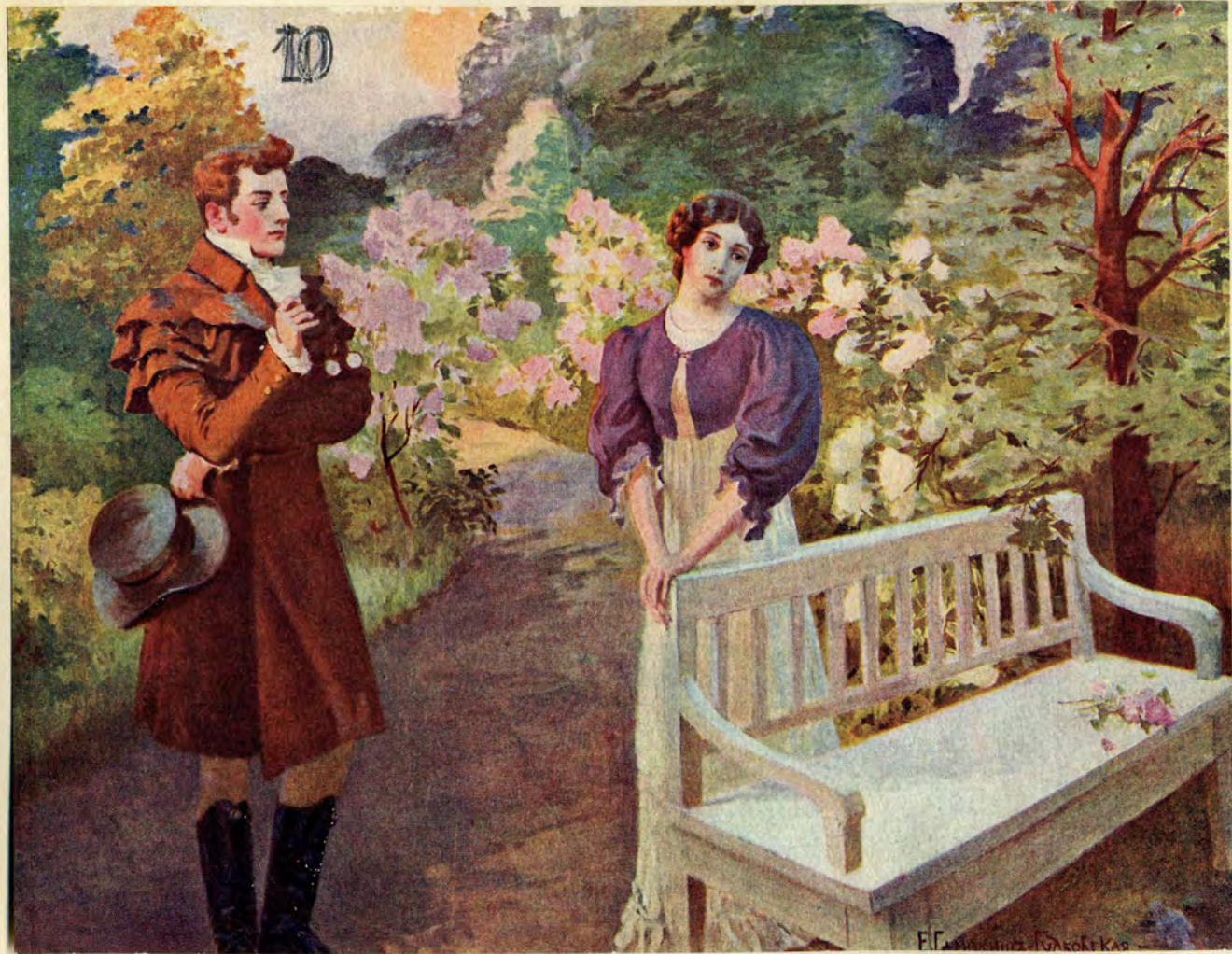
«Ахъ! няня, сдѣлай одолженье...»
 — Изволь, родная, прикажи.
 «Не думай... право... подозрѣнье...»
 Но видишь... Ахъ! не откажи.
 — Мой другъ, вотъ Богъ тебѣ порука.—
 «Итакъ пошли тихонько внука

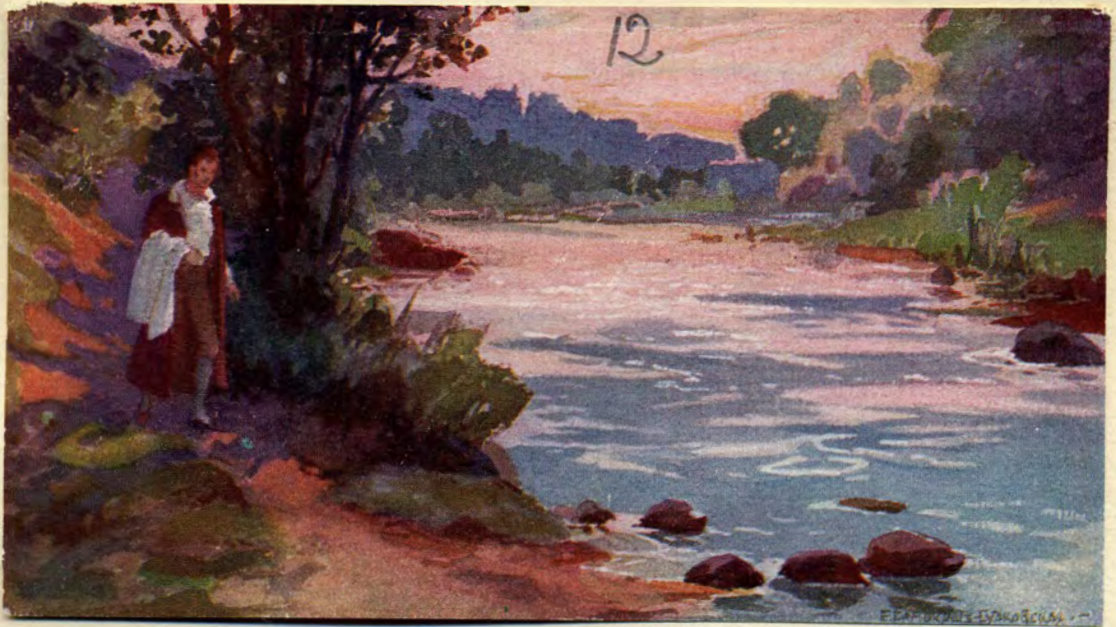
Съ запиской этой къ О... къ тому...
 Къ сосѣду... да велѣть ему,
 Чтобъ онъ не говорилъ ни слова,
 Чтобъ онъ не называлъ меня...»
 — Кому же, милая моя?
 Я нынче стала безтолкова.
 Кругомъ сосѣдей много есть:
 Куда мнѣ ихъ и перечестъ.—

XXXV.

«Какъ недогадлива ты, няня!»
 — Сердечный другъ, ужъ я стара,
 Стара; тупѣть разумъ, Таня;
 А то, бывало, я востра:
 Бывало, слово барской воли...—
 «Ахъ, няня, няня! до того ли?»
 Что нужды мнѣ въ твоёмъ умѣ?
 Ты видишь, дѣло о письмѣ
 Къ Онѣгину.»—Ну, дѣло, дѣло.

XXXIII.

«Какъ ихъ писали въ мощны годы,
 Какъ было встарь заведено...»
 —Однѣ торжественныя оды!
 И, полно, другъ; не все-ль равно?
 Припомни, что сказалъ сатирикъ!
Чужаго толка хитрый лирикъ
 Ужели для тебя сноснѣи
 Унылыхъ нашихъ риемачей?—
 «Но все въ элегіи ничтожно;
 Пустая цѣль ея жалка;
 Межъ тѣмъ цѣль оды высока
 И благородна»... Тутъ бы можно
 Пospорить намъ, но я молчу;
 Два вѣка ссорить не хочу.

XXXIV.

Поклонникъ славы и свободы,
 Въ волненіи бурныхъ думъ своихъ,

Владиміръ и писалъ бы оды,
 Да Ольга не читала ихъ.
 Случалось ли поэтамъ слезнымъ
 Читать въ глаза своимъ любезнымъ
 Свои творенья! Говорятъ,
 Что въ мірѣ выше нѣтъ наградъ.
 И впрямь, блаженъ любовникъ скромный,
 Читающій мечты свои
 Предмету пѣсенъ и любви,
 Красавицѣ пріятно-томной!
 Блаженъ... хоть, можетъ быть, она
 Совсѣмъ инымъ развлечена.

XXXV.

Но я плоды моихъ мечтаній
 И гармоническихъ затѣи
 Читаю только старой нянѣ,
 Подругѣ юности моей;
 Да послѣ скучнаго обѣда,
 Ко мнѣ забредшаго сосѣда,

Опрятнѣи моднаго паркета
 Блится рѣчка, льдомъ одѣта;
 Мальчишекъ радостный народъ
 Коньками звучно рѣжетъ ледъ;
 На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый,
 Задумавъ плыть по лону водъ,
 Ступаетъ бережно на ледъ,
 Скользитъ и падаетъ; веселый
 Мелькаетъ, вьется первый снѣгъ,
 Звѣздами падая на брегъ.

XLIII.

Въ глуши что дѣлать въ эту пору?
 Гулять? Деревня той порой
 Невольно докучаетъ взору
 Однообразной наготой.
 Скакать верхомъ въ степи суровой?
 Но конь, притушенной подковой

Невѣрный зацѣпля ледъ,
 Того и жди, что упадетъ.
 Сиди подъ кровлею пустынной
 Читай: вотъ Прадтъ, вотъ Walter Scott!
 Не хочешь? Повѣрай расходъ.
 Сердись иль пей, и вечеръ длинный
 Кой-какъ пройдетъ, и завтра то-жъ,
 И славно зиму проведешь.

XLIV.

Прямымъ Онѣгинъ Чайльдъ Гарольдомъ
 Вдался въ задумчивую лѣнь:
 Со сна садится въ ванну со льдомъ,
 И послѣ, дома цѣлый день,
 Одинъ, въ расчеты погруженный,
 Тупымъ кіемъ вооруженный,
 Онъ на бильярдѣ въ два шара
 Играетъ съ самаго утра;

Глава пятая

I.

Въ тотъ годъ осенняя погода
Стояла долго на дворѣ;
Зимы ждала-ждала природа.
Снѣгъ выпалъ только въ январѣ,
На третье въ ночь. Проснувшись рано,
Въ окно увидѣла Татьяна
Поутру побѣлѣвшій дворъ,
Куртины, кровли и заборъ;

На стеклахъ легкіе узоры,
Деревья въ зимнемъ серебрѣ,
Сорокъ веселыхъ на дворѣ
И мягко устланная горы
Зимы блистательнымъ ковромъ;
Все ярко, все бѣло кругомъ.

II.

Зима... Крестьянинъ, торжествуя,
На дровняхъ обновляетъ путь;

XIII.

Рѣшась кокетку ненавидѣть,
 Кипящій Ленскій не хотѣлъ
 Предъ поединкомъ Ольгу видѣть,
 На солнце, на часы смотрѣлъ,
 Махнулъ рукою напоследокъ—
 И очутился у сосѣдокъ.
 Онъ думалъ Оленьку смутить,
 Своимъ прѣздомъ поразить;
 Не тутъ-то было: какъ и прежде,
 На встрѣчу бѣднаго пѣвца
 Прыгнула Оленька съ крыльца,
 Подобна вѣтренной надеждѣ,
 Рѣзва, беспечна, весела,
 Ну, точно та же, какъ была.

XIV.

«Зачѣмъ вечеръ такъ рано скрылись?»
 Былъ первый Оленькинъ вопросъ.
 Всѣ чувства въ Ленскомъ помутились,
 И молча онъ повѣсилъ носъ.
 Исчезла ревность и досада
 Предъ этой ясностию взгляда,
 Предъ этой нѣжной простотой,
 Предъ этой рѣзвою душой!..
 Онъ смотритъ въ сладкомъ умиленѣ;
 Онъ видитъ: онъ еще любимъ!
 Ужъ онъ, раскаянемъ томимъ,
 Готовъ просить у ней прощенье,
 Трепещетъ, не находитъ словъ:
 Онъ счастливъ, онъ почти здоровъ...

Глава седьмая

Москва, Россіи дочь любима,
Гдѣ равную тебѣ сыскать?

Дмитріевъ.

Какъ не любить родной Москвы?

Баратынскій.

Гоненье на Москву? Что значить видѣть свѣтъ!
Гдѣ-жъ лучше?

Гдѣ насъ нѣтъ.

Грибоѣдовъ.

I.

Гонимы вешними лучами,
Съ окрестныхъ горъ уже снѣга
Сбѣжали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа

Сквозь сонъ встрѣчаетъ утро года,
Снѣга блещутъ небеса.

Еще прозрачные, лѣса

Какъ будто пухомъ зеленѣютъ.

Пчела за данью полевой

Летитъ изъ кельи восковой.

Долины сохнутъ и пестрѣютъ,

Стада шумятъ и соловей

Ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей.

II.

Какъ грустно мнѣ твое явленье,
Весна, весна! пора любви!

Со мной, бывало, въ воскресенье,
Здѣсь, подь окномъ, надѣвъ очки,
Играть изволилъ въ дурачки.
Дай Богъ душѣ его спасенье,
А косточкамъ его покой
Въ могилѣ, въ мать-землѣ сырой!»

XIX.

Татьяна взоромъ умиленнымъ
Вокругъ себя на все глядитъ,
И все ей кажется безцѣннымъ,
Все душу темную живитъ
Полумучительной отрадой:
И столъ съ померкшею лампадой,
И груда книгъ, и подь окномъ
Кровать, покрытая ковромъ,
И видитъ въ окно сквозь сумракъ лунный,
И этотъ блѣдный полусвѣтъ,

И лорда Байрона портретъ,
И столбикъ съ куклою чугунной
Подъ шляпой, съ пасмурнымъ челомъ,
Съ руками, сжатыми крестомъ.

XX.

Татьяна долго въ кельѣ модной
Какъ очарована стоитъ.
Но поздно. Вѣтеръ всталъ холодный.
Темно въ долинь. Роща спитъ
Надъ отуманенной рѣкою;
Луна сокрылась за горою,
И пилиgrimкѣ молодой
Пора, давно пора домой.
И Таня, скрывъ свое волнение,
Не безъ того, чтобъ не вздохнуть,
Пускается въ обратный путь,
Но прежде проситъ позволенья

— Садись! какъ это мудрено!
 Ей-Богу, сцена изъ романа...
 «А это дочь моя Татьяна».
 — Ахъ, Таня! подойди ко мнѣ,
 Какъ будто брежу я во снѣ...
 Кузина, помнишь Грандисона?—
 «Какъ, Грандисонъ?.. а, Грандисонъ!»
 Да помню, помню. Гдѣ же онъ?
 — Въ Москвѣ, живетъ у Симеона;
 Меня въ сочельникъ навѣстилъ;
 Недавно сына онъ женилъ.

XLII.

А тотъ... но послѣ все расскажемъ,
 Не правда-ль! Всей ея роднѣ
 Мы Таню завтра же покажемъ.
 Жаль, развѣзжать нѣтъ мочи мнѣ:
 Едва-едва таскаю ноги.
 Но вы замучены съ дороги,
 Пойдемте вмѣстѣ отдохнуть...
 Охъ, силы нѣтъ... устала грудь...
 Мнѣ тяжела теперь и радость,
 Не только грусть... душа моя,
 Ужъ никуда негодна я...
 Подъ старость жизнь такая гадость,—
 И тутъ совсѣмъ утомлена,
 Въ слезахъ раскашлялась она.

XLIII.

Больной и ласки, и веселье
 Татьяну трогаютъ; но ей
 Нехорошо на новосельѣ,
 Привыкшей къ горницѣ своей.
 Подъ занавѣскою шелковой
 Не спится ей въ постели новой,
 И ранній звонъ колоколовъ,
 Предтеча утреннихъ трудовъ,
 Ее съ постели подымаетъ.

Встрѣчаетъ ихъ въ гостиной крикъ
 Княжны, протертой на диванѣ.
 Старушки съ плачемъ обнялись,
 И восклицанья полились.

XLI.

«Княжна, mon ange!» Pachtette! «Алина!»
 — Кто-бъ могъ подумать?—«Какъ давно!»
 — Надолго-ль? «Милая кузина!»

Садится Таня у окна.
Рѣдѣетъ сумракъ; но она
Своихъ полей не различаетъ:
Предъ нею незнакомый дворъ,
Конюшня, кухня и заборъ.

XLIV.

И вотъ по родственнымъ обѣдамъ
Развозятъ Таню каждый день—
Представить бабушкамъ и дѣдамъ
Ея разсѣянную лѣнь.
Роднѣ, прибывшей издалеца,
Повсюду ласковая встрѣча,
И восклицанья, и хлѣбъ-соль.
«Какъ Таня выросла! Давно-ль
Я, кажется, тебя крестила?»
— А я такъ на руки брала!—
«А я такъ за уши драла».
— А я такъ пряникомъ кормила!—
И хоромъ бабушки твердятъ:
«Какъ наши годы-то летятъ!»

XLV.

Но въ нихъ не видно перемѣны,
Все въ нихъ на старый образецъ:
У тетушки княжны Елены
Все тотъ же тюлевый чепецъ;
Все бѣлится Лукерья Львовна,
Все такъ же лжетъ Любовь Петровна,
Иванъ Петровичъ такъ же глупъ,
Семенъ Петровичъ такъ же скупъ,
У Целагеи Николавны
Все тотъ же другъ, мосье Финмушъ,
И тотъ же шпицъ, и тотъ же мужъ,
А онъ все клуба членъ исправный,
Все такъ же смиренъ, такъ же глухъ
И такъ же ѣсть и пьеть за двухъ.

XLVI.

Ихъ дочки Таню обнимаютъ.
Младья граціи Москвы
Сначала молча озираютъ
Татьяну съ ногъ до головы;
Ее находятъ что-то странной,
Провинціальной и жеманной
И что-то блѣдной и худой,
А впрочемъ, очень недурной;

Потомъ, покорствуя природѣ,
Дружатся съ ней, къ себѣ ведутъ,
Цѣлуютъ, нѣжно руки жмутъ,
Взбиваютъ кудри ей по модѣ
И повѣряютъ на распѣвъ
Сердечны тайны, тайны дѣвъ,

XLVII.

Чужія и свои побѣды,
Надежды, шалости, мечты.
Текутъ невинныя бесѣды
Съ прикрасой легкой клеветы.
Потомъ, въ отплату лепетанья,

Ея сердечнаго признанья
Умильно требуютъ онѣ.
Но Таня, точно какъ во снѣ,
Ихъ рѣчи слышитъ безъ участья,
Не понимаетъ ничего
И тайну сердца своего,
Завѣтный кладъ, и слезъ, и счастья,
Хранитъ безмолвно между тѣмъ
И имъ не дѣлится ни съ кѣмъ.

XLVIII.

Татьяна вслушаться желаетъ
Въ бесѣды, въ общій разговоръ;

Князь на Онѣгина глядитъ.
 — Ага! давно-жь ты не былъ въ свѣтѣ.
 Постой, тебя представлю я.
 «Да кто-жь она?»—Жена моя.

XVIII.

«Такъ ты женатъ! не зналъ я ранѣ!
 Давно ли?»—Около двухъ лѣтъ.
 «На комъ?»—На Лариной. «Татьянѣ?»
 — Ты ей знакомъ? «Я имъ сосѣдъ».
 — О, такъ пойдемъ же.—Князь подходитъ
 Къ своей женѣ и ей подводитъ

Родню и друга своего.
 Княгиня смотритъ на него...
 И что ей душу не смутило,
 Какъ сильно ни была она
 Удивлена, поражена,
 Но ей ничто не измѣнило:
 Въ ней сохранился тотъ же тонъ,
 Былъ такъ же тихъ ея поклонъ.

XIX.

Ей-ей! не то чтобъ содрогнулась,
 Иль стала вдругъ блѣдна, красна...

И мужъ Татьянинъ показался...
И здѣсь героя моего,
Въ минуту злую для него,
Читатель, мы теперь оставимъ
Надолго... навсегда. За нимъ
Довольно мы путемъ однимъ
Бродили по свѣту. Поздравимъ
Другъ друга съ берегомъ. Ура!
Давно-бъ (не правда ли?) пора!

XLIX.

Кто-бъ ни былъ ты, о мой читатель,
Другъ, недругъ,—я хочу съ тобой
Разстаться нынче какъ пріятель.
Прости. Чего бы ты за мной
Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
Воспоминаній ли мятежныхъ,
Отдохновенья-ль отъ трудовъ,
Живыхъ картинъ, иль острыхъ словъ,
Иль грамматическихъ ошибокъ,—
Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
Для развлеченья, для мечты,
Для сердца, для журнальныхъ сшибокъ,
Хотя крупицу могъ найти.
За симъ—разстанемся, прости!

L.

Прости-жь и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,

И ты живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все что завидно для поэта:
Забвенье жизни въ буряль свѣта,
Бесѣду сладкую друзей.
Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явились впервые мнѣ—
И даль свободного романа
Я сквозь магическій кристаллъ
Еще неясно различалъ.

LI.

Но тѣ, которымъ въ дружной встрѣчѣ
Я строфы первыя читалъ...
Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.
Безъ нихъ Онѣгинъ дорисованъ.
А ты, съ которой образованъ
Татьяны милый идеаль...
О, много, много рокъ отъялъ!
Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разгаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ.

1830—1831. Петербургъ.
Болдино. Ц. Село.

